

ДРАГУНСКИЙ СТРОЙ НА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЕ В 1630-Х – НАЧАЛЕ 1650-Х ГОДОВ

О.А. Курбатов

Российский государственный архив древних актов, г. Москва

Статья посвящена процессу создания первых частей «нового строя» на Белгородской черте – драгунских отрядов. Раскрываются особенности тактики и вооружения этого рода войск, его преимущества перед другими разрядами ратных людей. Автору удалось выявить различие не только в обеспечении, но и в снаряжении отрядов «кормовых» и поселённых драгун, а также уточнить причины, по которым «кормовые» полки с 1647 г. перестали собираться на сезонную службу и были полностью замещены «приборами» или «приказами» поселённого типа. Автор предлагает рассматривать военные реформы на Белгородской черте в 1638-1654 гг. как процесс постепенной адаптации западноевропейского вооружения, тактики и армейской организации к реалиям степной войны и нуждам обороны протяжённой оборонительной линии.

Ключевые слова: военная история России, реформы вооружённых сил, полки «нового строя», Белгородская черта, вооружение и тактика, военная логистика.

В начале 1630-х гг. в России началось создание полков «нового строя» – полевых армейских частей, устроенных по образцу лучших европейских армий того времени. В Смоленской войне 1632 – 1634 гг. приняло участие свыше 10000 русских ратников, обученных иноземными офицерами солдатскому, драгунскому, рейтарскому или гусарскому строю. «Новый строй» доказал свою эффективность на поле боя, однако ввиду огромных затрат на содержание самих полков и особенно начальных людей их пришлось распустить по окончании войны. Тем не менее, с началом масштабных операций против крымского ханства, в 1638 г. части «нового строя» были воссозданы на южных границах. Одновременно начались поиски оптимальных форм их организации и обеспечения, призванные сократить стоимость этих полков для государевой казны.

Полки «кормовых драгун» и тульские драгуны на Белгородской черте

Одним из родов войск европейского типа, учрежденных в России в Смоленскую войну, стали части драгунского строя. Драгуны были вооружены и обучены для боя по сол-

датскому образцу, но при этом снабжались лошадьми. Это позволяло им сопровождать в скорых походах конницу, в случае же необходимости спешиваться и принимать бой в линейном боевом порядке. Мобильность, мощь огня и относительная дешевизна этого рода войск сделали его особо популярным в эпоху Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг.: драгуны широко использовались для караульной службы и «малой войны» – нападений из засад, налетов на обозы противника и т. п.¹¹¹. Кроме того, они идеально подходили для усиления рейтар в качестве команд «командированных мушкетеров», распределенных между эскадронами конницы. О подобной тактике русских драгун эмоционально отзывался знаменитый польский мемуарист, гусар дивизии С. Чарнецкого Ян Хризостом Пасек, испытав её на себе в

¹¹¹ О шведских драгунах 1610-х – 1635 гг. см.: Brzezinski R. The army of Gustavus Adolphus. Ldn, 1993. Vol. 2. (Men-at-Arms Series, 262). S. 14 – 16, 37, 38; об имперских драгунах 1602 – 1646 гг. см.: Brnardich V. Imperial Armies of the Thirty Years War. Ldn, 2010. Vol. 2. (Men-at-Arms Series, 462). S. 24, 29, 32 – 35, 45, 46, 47; о драгунах Гражданской войны в Англии (1638 – 1651) см.: Tincey J. Soldiers of the English Civil War. Vol.2: Cavalry. Ldn., 1990 (Elite Series, 27). S. 21. драгуном некоторое время был герой плутовского романа эпохи Тридцатилетней войны «Симплициссимус, написанного очевидцем и участником событий: Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус = Der abenteuerliche Simplicissimus / Изд. подг. А.А. Морозов; отв. ред. А.В. Фёдоров. Л.: «Наука», 1967. (Литературные памятники).

битве на реке Басе (1660 г.): «Пехота, перемешенная с конницей, сильно нам вредила, ибо как ни потесним хоть немного неприятеля, а на тех предателей нарвёмся – то нам как по зубам получить!»¹¹² (имеются в виду неожиданные мощные залпы драгун – практически в упор).

В Смоленскую войну русский драгунский строй формировался еще в ограниченном количестве: сначала рота из наемных «немцев» при рейтарском полку Де Эберта (как раз те самые «командированные» драгуны при рейтарах) и 12-ротный полк Александра Гордона из даточных людей, а затем еще рота из служилых поляков при гусарах и рейтарах майора Христофора Рыльского. Однако всего через несколько лет именно драгуны становятся наиболее популярным типом частей «нового строя».

Причиной этого стал анализ, проведенный командованием – в тесном взаимодействии с иноземными специалистами, – в отношении уроков Смоленской войны и других войн в Восточной Европе. Поскольку основным ТВД, после Поляновского мира 1634 г., становились южные окраины, а главным противником – мобильные татарские отряды, – то «правильные» формы боя в линейных боевых порядках, с шахматными построениями пикинеров и мушкетеров, рейтар и гусар теряли свою актуальность. Вместо наращивания дорогостоящих кавалерийских частей «нового строя» правительство ограничилось довооружением традиционно устроенной «сотенной» конницы, чтобы все ее бойцы были оснащены «дальним боем»: «езжими» пищалями (либо уже карабинами) или саадаками (по указам 1637 – 1638 гг.)¹¹³.

Что же касается солдат и драгун, то выявилось сразу несколько преимуществ последних. Во-первых, естественно, это мобильность: при отражении татарских

набегов, которые продолжались считанные сутки, обычная пехота оказывалась бесполезной где-либо, кроме места своего непосредственного расположения. Во-вторых, в составе драгунских частей не было пикинеров, совершенно ненужных в степной войне. Вместо построения копейщиков, драгуны защищали свои шеренги воткнутыми в землю полупиками (так называемыми «шведскими перьями»), из которых при возможности составлялись рогатки. Это усиливало огневую мощь пехотного отряда почти вдвое по сравнению с обычным пикинерно-мушкетерским построением¹¹⁴. Ну и, наконец, любой обученный солдат мог служить драгуном, а любой пехотный офицер – офицером драгунским, что и предопределило ход дальнейших реформ.

Около 1638 г. в Туле был создан так называемый «приказ Тульского драгунского строя». Кадровую основу для него составили 70 из 200 «смоленских солдат» – ветеранов смоленского похода 1632 – 1634 гг., поселенных слободой под Тулой. Их усилили старинные отряды местных служилых людей – станицы так называемых «днепровских казаков», тульских, михайловских и дедиловских черкас и «смоленских казаков», а также крестьяне деревни Чулковой (пригорода Тулы). Все они были сведены в четыре правильно устроенные роты (до 150 чел. в каждой), которые в летнее время поочередно выдвигались в одну из далеких полевых крепостей: например, в 1644 г. на Ливны, а в 1648 г. – в Белгород¹¹⁵. Интересно, что в обиходе весь приказ нередко называли полком «днепровских» или «днепровых драгун» – видимо, по наиболее необычной и характерной по своему названию

¹¹² «Piechota, między komunikiem pomieszana, bardzo nam szkodziła, bo jak cokolwiek zeprzemy nieprzyjaciela, a na owych zdrajców napadniemy, to jakby nam w gębę dał».(Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska z czasów panowania Jana Kazimierza .. Poznań, 1837. S. 96)

¹¹³ Подробнее см.: Курбагов О.А. «Оружность» русской конницы 1630-х – начала 1650-х гг.// Цейхгауз: Военно-исторический журнал. 2006. № 23. С. 2–4.

¹¹⁴ Уже в 1620-х гг. голландская пехота Морица Оранского в ряде случаев стала использовать такое вооружение, отказываясь от прежнего сочетания мушкета и пика (см. Lawrence D. The Complete Soldier: Military Books and Military Culture in Early Stuart England, 1603 – 1645. Leiden-Boston, 2009. S. 256). В России подобная структура полка – полностью мушкетерского, с полупиками вместо «долгих спис», была принята в 1632 г. у наёмных «немецких» полков армии М.Б. Шеина – в частности, по проекту полковника Сандерсона (см.: Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 176).

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1118. Л. 61, 92, 93, 99.

части отряда («днепровские казаки»). Общая численность подразделения по смете 1651 г. – 548 рядовых, 3 музыканта (2 барабанщика и трубач), 17 урядников и 9 начальных людей¹¹⁶.

Одним из первых начальников или «учителей» тульских драгун документы уверенно называют городского дворянина Ивана Макаровича Ртищева: в 1647 г., когда его назначили в Сокольский острог для устройства тамошних крестьян в драгуны, в помощь «к Ивану ж Ртищеву в Сокольской острог для драгунского ученья в начальные люди велено послать с Тулы из прежних драгунов иво ж Иванова ученья, которым драгунской строй заобычей, шесть человек да барабанщика»¹¹⁷. Позже начальниками тульских драгун служили выходцы из Речи Посполитой – как майор Савва Долматов (до 1647 г.) или подполковник, а затем полковник Рафаил Корсак (1653 – 1657 гг.) – но между ними приказом командовал московский дворянин Василий Григорьевич Голохвастов, также в чине полковника.

Тульский приказ стал одной из наиболее боеспособных поселенных драгунских частей, которая ходила в дальние походы аналогично полкам «кормовых» драгун – на Царёв-Алексеев в 1647 и на Яблонов в 1648 гг.; 11 июля 1647 г. он отличился в бою с татарами на Калмиусской сакме (под Хмелевым лесом), где майор С. Долматов «на бою за Осиновым острожком с крымскими и нагайскими людьми бился с драгунским строем, и их, многих татар, побили, и полон у них весь отбили»¹¹⁸. В 1654–1658 гг. тульские драгуны уже в качестве полка приняли участие в трех походах воевод В.Б. Шереметева, В.В. Бутурлина и кн. Г.Г. Ромодановского на Украину, при-

Рис. 1. Рядовой полков «кормовых» драгун в пешем строю. 1638 – 1647 гг. Одет в традиционную летнюю одежду служилых людей южных уездов: шапку «с пухом», полукафтан из крашенины, на ногах кожаные поршни. На пояском ремне подвешен бытовой нож. Казённое снаряжение – полная «драгунская служба» – включает в себя европейский фитильный мушкет на ремне через плечо, шпагу на «поясе» из красной кожи и банделер с пороховым «зарядцами» на 12 выстрелов. К банделеру подвязан отрез фитиля. В руках держит полутику голландского образца с двумя наконечниками для защиты от конных атак.

Рисунок Белоглазова Вячеслава Евгеньевича.

чём несли большей частью конную службу, на сторожах и в разъездах. В итоге, в процессе создания Белгородского разряда (летом 1658 г.) «полк днепровских драгун» был в полном составе переселен в Белгород и преобразован там в один из местных полков уже рейтарского строя.

В 1638 г. был произведен новый сбор солдат и драгун, участников Смоленской войны, а также набор «вольных гулящих людей» и даточных людей из крестьян в полки солдатского и драгунского строя. Всем рядовым и «урядникам из русских людей» за каждый месяц было назначено денежное жалование – «подённый корм» – почему их отряды и

¹¹⁶ Смета военных сил великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – пер. пол. XVIII веков. М. 1989. С. 20, 21.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 245. Л. 3; Там же. № 227. Л. 3 («к драгунскому строю и для устава копральством преждево Иванова ученья Ртищева с Тулы ныне сперва надобно на время в капраны: 9 чел., барабанщик Романов сын Жегулин для научки новых, которых велено учить»)

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 267. Л. 11, 12, 23 – 39 (послужные списки тульских драгун 1647 - 1648 гг.)

получили наименование «полков кормовых солдат (драгун)». Поначалу эти подразделения, более 5000 драгун и 8600 солдат, были приданы Большому полку на Туле (полк Александра Краферта), Передовому полку в Одоеве (полк Валентина Росформа) и Рязанскому полку (полк подполковника Якова Вымса). В 1639 г. уже каждый воеводский полк, собранный на южной окраине, получил в свое распоряжение полк или «шквадрону» солдат или драгун.

Наиболее крупные полки были смешанного состава. Так, в 1639 г. старейшему здесь полковнику Александру Краферту подчинялась тысяча драгун (5 рот по 200 человек) и две тысячи солдат (10 рот по 200 чел.), во главе которых стояли сверх 10 капитанов сам полковник, подполковник и 3 майора. Такая организация признавалась удобной в условиях, когда количество офицеров в старших чинах, особенно полковников, было сильно ограничено из соображений экономии. Передаточным звеном между иноземными начальными людьми и русскими новобранцами во всех полках стали 300 урядников из «кормовых», т. е., беспоместных, служивших за денежный «корм» детей боярских. Они получили звания каптенармусов, капралов и барабанщиков¹¹⁹.

Удельный вес драгун, по сравнению с солдатами, постоянно повышался – пока в 1646 – 1647 гг. все полки «нового строя» не стали драгунскими. «Кормовые драгуны» в эту военную кампанию, которая затянулась почти до весны 1647 г., составили полки шотландцев Александра Краферта и Александра Гамолтова, иноземца «старого выезду» Василия Кречетникова, а также Афанасия Бельмана. Кроме них, начальными людьми из служилых поляков возглавляли известный нам приказ тульских драгун (майор Савва Долматов) и вновь сформированный временный полк драгунского строя из поместных и кормовых городовых казаков Мещовска, Масальска, Волока Ламского

и Боровска (полковник Христофор Рыльский)¹²⁰. В результате такой эволюции все рядовые и урядники подразделений «кормовых драгун» и после роспуска по домам продолжали числиться в списках центральных московских приказов драгунами, а не солдатами. В связи с этим пехотный полк, собранный весной 1648 г. для отправки на Дон, получил даже несколько абсурдное название: полк «пешего драгунского строя» подполковника Якова Урвина. Иными словами, он отправлялся в поход «плавной ратью», без лошадей, но поскольку личный состав был набран из ветеранов распущенных в прошлом году частей «кормовых драгун», был назван не солдатским, а драгунским¹²¹.

Кормовые драгуны получали из казны всё вооружение, а также лошадей с конским убором и боеприпасы. Документация 1646 – 1650 гг. содержит исчерпывающие сведения о том, что входило в этот комплект. Итак, снаряжение всадника: седло (по внешним признакам различались седла, поставляемые Конюшнным или Монастырским приказами), «войлоки» (попона), узда, а также «крюк железный драгунских лошадей». По поводу последнего в описи Оружейной палаты сохранилось пояснение: «крюки конские, что у лошадей хвосты вяжут»¹²², чтобы удерживать лошадь на месте во время боя в пеших строевых порядках. Огнестрельное оружие было представлено в основном фитильными мушкетами («мушкет с жагрой»), которые снабжались кожаным ремнем, чтобы возить их через плечо, по европейскому образцу. Боеприпасы к мушкету хранились уже не в банделерах, а в лядунках – патронных сумках, что было гораздо удобнее при верховой езде. Через плечо драгун возил шпагу на перевязи. Кроме того, у каждого из них в обязательном

¹¹⁹ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–58 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 157–197.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 396. Опись 2. № 301. Л. 188 об. – 199 об.; Там же. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 122. Л. 1 – 25; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 244.

¹²¹ Подробная документация о формировании полка Я. Урвина и его действиях в 1648 – 1649 гг. опубликована в «Донских делах» Посольского приказа (см.: Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. XXVI. Стб. 871 – 1022; СПб., 1913. Т. XXIX. Стб. 209 – 212, 235 – 270).

¹²² Богдавленский С. К. Вооружение русских войск в XVI – XVII вв. // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 283.

порядке имелась полуписка для рогатки, с железными копейцами на обоих концах, которую возили при седле при помощи железного же «тока» («драгунские трубки, что ставят копьа»). Сержанты драгун вместо ружей имели алебарды, каптенармусы – кожаные мешки для пороха и свинцовых пуль, а капралы помимо мушкетов снабжались жестяными «фитильными трубками», чтобы хранить тлеющий фитиль во время похода¹²³. Никаких пик или защитного пикинерского снаряжения («лат и шишаков») в драгунских частях не имелось. Естественно, при постройке земляного вала и городских укреплений Белгородской черты все драгуны обеспечивались шанцевым и плотницким инструментом (лопаты, заступы, кирки, ломы, топоры разных типов и т. п.), однако это относилось к полковому имуществу, а не к личному комплекту снаряжения.

Отметим, что значительную часть этого драгунского снаряжения – почти целые комплекты примерно на 1200 – 1300 чел. – воевода Большого полка боярин кн. Н.И. Одоевский оставил по роспуске своей армии, в начале 1647 г. в Белгороде в казенных амбарах. И забрали эти вещи в Разрядный приказ только в декабре 1650 г.¹²⁴. Кроме того, на Ливнах в начале 1649 г. оставалось еще почти 3000 полуписок, 2200 мушкетов, 1200 лядунок и почти тысяча шпаг¹²⁵. Получается, что в течение еще нескольких лет правительство допускало возможность нового сбора кормовых драгун в Белгороде.

Полки кормовых драгун внесли немалый вклад в сооружение Белгородской черты и борьбу с татарами в 1638 – 1647 гг. Более того, систематическое обучение в их рядах рядовых и урядников «из русских людей» сделало их подготовленными ветеранами, способными в свою очередь выучить в будущем новых бойцов из новобранцев – то есть создало необходимый кадр драгунского и

солдатского строя. Бывшие солдаты и драгуны, оставаясь в своих уездах, находились на учёте в Разрядном и Иноземском приказах. Так, по запросу 1651 г. воеводы 20 городов сообщили, что у них проживают 1382 чел. «старых солдат», включая 70 чел. в тульском драгунском строе. О тульских старых солдатах (остальных 130 чел.) тамошний воевода окольный кн. Ф.Ю. Хворостинин сообщил, что «из них многие в стрелецкой службе и в посадских и в гулящих людех»¹²⁶. По месту своего «верстанья» и начала службы «старые солдаты» сами себя называли «смоленскими» (в Смоленскую войну), «тульскими», «веневскими», «одоевскими» (все 1638 – 39 гг.), «самарскими» (1644 г.), «белгородскими» (1646 г.) и др.¹²⁷ Весной 1653 г. 739 из них были привлечены к обучению новобранцев в качестве урядников в четыре полка солдатского строя, сформированные на Белгородской черте¹²⁸, но некоторые еще раньше оказались задействованы в качестве инструкторов или «учителей драгунского строя» в новопоселенных драгунских частях.

Записка царя Алексея Михайловича о создании поселенных драгунских отрядов (1645 – 1646 гг.)

Опыт использования драгунского строя в 1638 – 1639 гг. оказался весьма успешным. Вместе с тем, полки «кормовых драгун» оставались довольно дорогостоящим для правительства войском. Экономии ради они несли только сезонную службу и распускались с приближением зимы – так что на охране оборонительных рубежей оставались только ратные люди старых служб, переселенные в новопостроенные крепости. При этом драгуны уходили в свои города, порой

¹²³ Перечень снаряжения составлен на основании анализа следующих архивных дел: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 122; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 371. Л. 22 – 38.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 371. Л. 9, 22 – 38.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола № 259. Л. 50, 51.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 337. Л. 175 – 178 (Болхов, Белев, Карачев, Оскол, Курск (166 чел.), Белгород, Новосиль (134 чел.), Севск, Чернь, Орел, Ливны (326 чел.), Елец (107 чел.), Чернавский острог, Лебедянь, Ефремов (109 чел.), Михайлов, Сапожок, Пронск, Переславль-Рязанский, Зарайск, Тула (133 чел.))

¹²⁷ Список составлен на основании перечня «старых солдат» только одного полка Ю Гутцына (1654 г.); возможно, он далеко не полон (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 183).

¹²⁸ Акты Московского государства. Т. II. С. 339.

на многие сотни вёрст от места службы, а их казённых лошадей заботливо содержали до весны в «городах от Поля». Подобный порядок вещей не устраивал командование, и в нашем распоряжении есть уникальный документ из бумаг приказа Тайных дел – записка царя Алексея Михайловича, по каким пунктам ему обсуждать со своими боярами меры по борьбе с Крымским ханством¹²⁹. Документ не датирован, но по содержанию его можно уверенно отнести к первому году царствования Тишайшего (1645 – начало 1646 гг.). В это время первые два отряда поселенных драгун уже существовали, но здесь нам важен ход мысли власть предержащих, аргументы относительно значительного расширения этой реформы.

Преамбула записки формулирует основную военно-стратегическую задачу момента: «вечного мира» у Руси нет только с крымским ханом, «и от такова хищника с той стороны надобе всегда быть опасно и люди держать поготову. А у Великого государя нашего государство великое, и ратных людей много, только от той стороны в дальном расстоянии». Далее говорится о том, «что на той украине городов не мало и людей в них, и на то и почитаем их ратными людьми» – то есть, практически всё население Белгородской черты является служилым. Но проблема заключается в бедности, а также нехватке вооружения и боевой подготовки большей части из них: «А те люди к службе природны и нужду терпят, только из них многие скудны, и к службе ненавычны, и ружья у них мало». В связи с этим царь предлагал отправить в те города кого-либо «из думных людей» и произвести разбор служилых. Главным критерием при этом, как обычно, должен был стать уровень обеспеченности ратников: «И в тех городех детей боярских и помесных казаков осмотреть, и которые конный и оружейный и в службу их будет, и тем быть в прежней в

конной службе». Прочих же, нуждающихся в казённом обеспечении царь планировал перевести в драгунскую службу, чему и посвящались наиболее содержательные и оригинальные пункты записки:

«8. А которые из них скудны и лошадей у них и ружья нет, и тем дать государево ружье и шпаги и научить их драгунскому строю для того, что те люди будут прибыльные, лошади у них, кто в службе будут, свои, и конские кормы у них на лошади и их запасы есть, живут в деревнях, хлеб пашут и сено косят.

9. Как те люди в городех изучены будут, и мощно их почитать ратными людьми и надежду к бою держать.

10. Как время тихо, и те люди и со своими учителя будут в домех своих жить и дома строить, и по времени и учатся, чтобы ученья не забыть, а в приход войских людей всегда будут готовы и к крепостям блиски, и поспешить мочно».

В завершение Тишайший соглашался с тем, что этим новым ратникам в случае похода («как пойдут к бою») тоже надо будет выплатить денежное жалование, но всё равно «их учить всегда ... прибыльнее», чем прежних – «тех людей, которых из дальних мест имали». Под последними царь, судя по всему, имел в виду «кормовых драгун», набравшихся не только в южных крепостях, но и в Москве, и в Замосковном крае. И действительно, после создания крупных отрядов поселенных драгун в 1646 г. сборы полков «кормовых» драгун для охраны и строительства Белгородской черты были полностью прекращены. Таким образом, выясняется, что причинами упразднения старых полков стали именно перечисленные в пунктах Тишайшего доводы, а вовсе не повальное дезертирство «кормовых» драгун и не их якобы плохая подготовка, как утверждал в свое время А.В. Чернов¹³⁰.

¹³⁰ Задачей А.В. Чернова было в первую очередь показать, как сложен был путь реформирования русской армии в XVII в., что он прошёл ряд исторически оправданных этапов, в связи с чем исследователь и позволил себе довольно умозрительное суждение относительно событий 1646 г.: «Правительство постепенно убеждалось в том, что ежегодные приборы и наборы кормовых и даточных драгун и солдат на временную службу не дают положи-

¹²⁹ Документ опубликован под названием «Статьи, какое опасение и ратных людей в крайних городах иметь от крымского хана» в сборнике: Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. II. С. 375.

Следует также отметить, что Алексей Михайлович обозначил в «записке» вообще всю направленность военных реформ на Белгородской черте в период своего царствования. Не только учреждение поселенных драгун, но и создание Белгородского разряда и дальнейшая модернизация его структуры – всё это является логичным развитием тезисов 1645 – 1646 гг. Кроме того, практика поселенных частей уже в 1648 – 1649 гг. была распространена на другую – русско-шведскую границу (Заонежские и Лопские погосты и Сомерскую волость). В связи с особенностями региона там сформировали три полка солдатского строя, однако поначалу речь шла именно о драгунской службе карельских крестьян¹³¹.

В более широкой перспективе, поселенные драгунские формирования стали российским вариантом отрядов милиционного типа, широко распространенных к 1630 – 1640-м годам по всей Европе. Одним из негласных авторов этого проекта, который регулярно консультировал правительство по военным вопросам, мог быть полковник Александр Краферт. До своего прибытия на царскую службу (в 1629 г.) он обучал ратному делу в Дании «мужиков кехтинских, которые выписаны на службу из земских людей Шконские земли»¹³² в подразделениях милиционного характера, аналогичных германским Landesdefension.

тельных результатов. Содержание ратных людей стоило дорого, а по своей военной подготовке и опыту службы они стояли ниже стрельцов и детей боярских. На временную службу записывались случайные люди, которые в течение нескольких летних месяцев не получали необходимых знаний и навыков в ратном деле, а в следующем году могли и вовсе не явиться на службу. Военная дисциплина этих гулящих людей, оторвавшихся от своей социальной среды, была чрезвычайно низкой» (Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV – XVII вв. М., 1954. С. 138). В действительности, нет сведений о каком-то низком уровне обученности кормовых драгун и солдат – напротив, они составили отличные кадры урядников для новых полков в 1653 – 1654 гг.

¹³¹ «И в прошлом во 156-м году мая в 13 день [...] та вотчина у Авфония, митрополита новгородского, Олонечкой погост со крестьяны и з бобыли, с селы и з деревнями, взят, и велено устроить того погоста крестьян и бобылей в драгунскую службу, для того, что они живут смежно с немецкими людьми (РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Новый Торжок. № 8403 / 75. Л. 3, 4). В реальности несколько рот драгунского строя было учреждено в заонежском солдатском полку М. Кормихеля только в 1651 г. Подробнее о заонежских полках см.: Бруснищана Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском пограничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649 – 1666): Дисс канд. ист. наук. СПб., 2014.

¹³² Сташевский Е.Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. С. 23.

Создание отрядов поселенных драгун на Белгородской черте в 1642 – 1650 гг.

После тульского приказа следующим отрядом поселенных драгун стал отряд в Костённом острожке под Воронежем, созданный в 1642 г. Широкомасштабное же формирование драгунских частей развернулось на Белгородской черте в 1646 – 1647 гг. Весной 1646 г. «прибор» драгун Саввы Хомякова соорудил Орловский городок под Воронежем, осенью того же года в драгунский строй было зачислено население четырёх станов дворцовой Комарицкой волости Севского уезда, а в начале 1647 г. та же участь постигла вотчинных крестьян Козловского и вновь образованных Добренского и Сокольского уездов. Свои особенности формирования имелись у драгунских отрядов в центре Белгородской оборонительной линии – в Карпове, Болховце и Новом Осколе.

Летом 1646 г. главная царская армия впервые в полном составе выдвинулась с Тулы на Черту, причём Большой полк боярина кн. Н.И. Одоевского разместился в Белгороде, а Передовой полк боярина В.П. Шереметева направился к Карпову сторожевью. К осени помимо протяжённого вала поперек Муравского шляха были построены крепости Карпов и Болхолец (или Болховой город). В обоих учреждались драгунские отряды, которые селились особыми слободами. Самый крупный отряд планировалось разместить в Карпове: голове Никите Телегину было поручено прибрать для поселения из «кормовых драгун» разных полков 500 чел. женатых, а также перевести туда же 500 чел. комарицких крестьян (еще не зачисленных в драгуны у себя в волости). Однако денег на обеспечение переселенцев не хватало, а условия жизни в новых крепостях оказались слишком тяжелыми¹³³. В итоге, комаричане вместо переселения в Карпов стали нести там временную службу, сменяясь по 1000 чел. драгун раз в два месяца¹³⁴. Что

¹³³ Загоровский В.П. Белгородская черта. С. 126 – 129.

¹³⁴ Ракин А.С. Переселение комарицких драгун в город Карпов (сер. 17 в.) // <http://diderix.petergen.com/rgd-e1.htm>

же касается прочих, то в общей сложности удалось набрать до 420 чел., не только из кормовых драгун, но и детей боярских, вольных людей и даже московских стрельцов¹³⁵. Все они получили звание «детей боярских драгунского строя» в отличие от карповцев детей боярских сотенной службы. Через несколько лет отряд карповских драгун сократился до 340 чел. по причине бегства личного состава. В Болховом городке до осени 1647 г. удалось прибрать в драгуны всего около 80 чел., в том числе 14 черкас.

Еще одним драгунским подразделением стал отряд в Царёве-Алексееве (позже Новый Оскол), построенном силами московских стрельцов, тульских драгун и украинских ратников на Калмиусской сакме в 1647 г. В гарнизон города были в приказном порядке переведены ратные люди из Польских городов (1100 чел.), из которых уже осенью сбежало со службы более трёхсот. Бегство от тягот нового положения коснулось и новоприборных драгун. Штатная численность отряда была определена в 350 чел.¹³⁶, однако уже к январю 1651 г. в строю осталось всего 285 чел., да более полусотни числились в бегах¹³⁷; позднейшая смета 1651 г. показала в Цареве-Алексееве вообще 267 драгун. При этом следует отметить, что местные драгуны были даже отчасти обеспечены казённым лошаадьми: в 7157 (1648 – 1649 гг.) из Тулы, с Лебедяни и Ельца туда было отправлено в общей сложности 103 «драгунских лошади» из бывших полков «кормовых драгун»¹³⁸. В общем, в отличие от драгунских поселений Воронежского, Лебедянского и Севского уездов, комплектование новоприборных отрядов вокруг Белгорода и Карпова столкнулось с

большими сложностями, и их численность не удалось довести до намеченного уровня.

В целом, по сводным данным сметы 1651 года, система драгунских поселённых отрядов на южной границе логичным образом объединяется в четыре группы и выглядит следующим образом:

1. Тула: приказ Тульского драгунского строя (около 600 рядовых и 31 начальный человек, с 1638 г.).

2. Линия укреплений по рекам Воронеж и Усмань, а также на Дону ниже Воронежа – Воронежский, Добренский, Сокольский и Козловский уезды: драгуны дети боярские Костёнского острожка (127 чел., с 1642 г.), драгуны Орлова городка (229 чел., с 1646 г.), драгуны Сокольского острога (794 чел., с января 1647 г.), Доброго городища (959 чел., с весны 1647 г.), Козлова (155 чел., с весны 1647 г.)

3. Белгородский и Карповский уезды: драгуны Карпова сторожевья (338 чел., с 1646 г.), драгуны Болхового (81 чел., с 1646 г.), драгуны Царева-Алексеева (267 чел., 1647 – 1650 гг.).

4. Севский уезд: драгуны Комарицкой волости (5594 чел., с 1646 г.).

По характеру своей службы указанные отряды довольно сильно различаются. Драгуны Воронежского, Козловского, Белгородского и Карповского уездов были целиком задействованы в сторожевой службе по укреплениям Белгородской черты, а также в гарнизонах и на караулах. В этом плане их функции были аналогичными с отрядами соседних украинских детей боярских, конных казаков и других ратных людей «старых служб». Однако в размещении новых драгунских отрядов, на первый взгляд, хаотичном, заметен стройный план: одна их группа составила цепь поселений по Черте вокруг Воронежа (от Костёнок до Усмани и Козлова), а другая – у Белгорода и Карпова.

Военная реформа на Белгородской черте: замысел, воплощение и последствия. Наметив грандиозное продвижение в глубь степи, правительство царя Михаила Федоровича решило максимально использовать все преимущества, которые давали совсем недавнее знакомство с военным делом Западной

¹³⁵ Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). С. 348, 360, 361.

¹³⁶ В марте 1649 г. драгунам прислали 350 карабинов; в феврале 1650 г. воевода сообщил, что «драгунов 350 чел., и из них 303 чел. объявились на меринех с пищальми» (РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка № 1. № 78. Л. 10); на 7159 (1650 – 1651) год им предполагалось выплатить жалование по 5 рублей на 350 чел (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 313. Л. 110)

¹³⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 371. Л. 360, 361.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка № 1. № 78. Л. 10 об.

Европы (в Смуту и Смоленскую войну), возможность массовых закупок вооружения и помощь компетентных иноземных специалистов. Это сильно отличает степные кампании 1630-х – начала 1650-х гг. от предшествующих мероприятий по устройству крепостей в Диком поле.

Поначалу «иноземное» влияние прослеживается в двух моментах. Полевая армия на Большой засечной черте, которая включала в себя значительную часть Государева двора и вообще способных к дальним походам ратных людей, была усилена полками «нового строя» практически той же численности, что

Несмотря на резкое сокращение офицерского корпуса полков «нового строя», отказ от дорогостоящих рейтарских и гусарских частей в пользу пехоты, ежегодная служба полков «кормовых» солдат и драгун довольно тяжёлым бременем легла на казну – ведь походы в степь затянулись почти на десятилетие. Поэтому идеей следующего этапа реформ стал перевод в драгунский строй служилого населения «новых украинских городов» – уездов, возникших с созданием Белгородской черты. Это должно было резко сократить расходы государства при том, что организованные, вооружённые и

Рис. 2. Поселённый драгун в конном строю 1638 – 1654 гг. Одет в традиционную одежду жителей южных уездов для холодного времени года: шапка с отвороченным околышем, сермяжный зипун, теплые штаны и поршни поверх теплых онучей, плащ-«епанча» из валенной шерсти. К седлу подвешен «путный котёл» в чехле, для приготовления походной пищи, а с другой стороны приторочен бытовой топор, также в чехле. Позади седла через круп лошади перекинута походные сумки с запасом пищи и разной мелочью («борошином»). «Драгунская служба» состоит из карабина с кремневым замком на кожаной перевязи с крюком, шпаги на ремне и лядунки с бумажными патронами на перевязи через плечо.

Рисунок Белоглазова Вячеслава Евгеньевича.

и в Смоленскую войну. Во-вторых, служилым иноземцам полков «нового строя» была отведена значительная роль в планировании и осуществлении фортификационных работ, которые велись как на старых засеках, так и в «новых городах».

обученные по-европейски войска, уже доказавшие свою эффективность, сохранялись в составе армии на юге России.

Однако, история военного строительства на юге России – это во многом история адаптации впечатляющих форм

западноевропейской тактики и вооружения к специфическим отечественным условиям и задачам. Подробное изучение этого процесса показывает, что царское правительство в тесном взаимодействии с иноземными офицерами и местными ратными людьми постоянно работало и над повышением боеспособности «нового строя», и над экономической стороной вопроса.

Первым примером адаптации был выбор из всех вариантов полков «нового строя» драгунского типа вооружения. Этот род войск наиболее подходил к условиям «малой войны» на степных рубежах, а в случае необходимости драгунские части составляли внушительный *corps de bataille* – пехотную линию для главных сил царской армии. Полки «кормовых» драгун были вооружены по лучшим западным образцам: облегчённые мушкеты с ремнями, лядунки вместо банделеров, полупики – всё это встречалось далеко не у всех европейских драгун. Но ни в армиях Тридцатилетней, ни в армиях Английской гражданской войн драгуны не стали основной частью пехоты, сохраняя изначальную функцию вспомогательного рода войск. Здесь мы видим оригинальное решение русского командования. Кстати, в будущем во многом вынужденно к тому же пришли шведы и поляки во время «Потопа» (1655 – 1660 гг.): их пехота оставалась в гарнизонах или, напротив, при осадных работах, а активные боевые действия вела конница при поддержке мобильных драгунских частей.

Другие примеры адаптации мы видим уже в случаях, связанных с формированием поселённых драгунских полков и приказов. Во-первых, замысел молодого царя Алексея Михайловича перевести в «новый строй» всех ратных людей по Белгородской черте (за исключением хорошо обеспеченных поместьями, «прожиточных») был сразу же сильно скорректирован. Правительство не стало трогать уже сформированные отряды старых типов (детей боярских, стрельцов и казаков), а предпочло создавать «драгунский строй» на основе крупных крестьянских сообществ (Комарицкая волость, Доброе

городище, Сокольский острог и Козлов) либо собирать вольных людей и бывших «кормовых» драгун на новые места поселения (Костёнки, Орлов, Карпов, Болховец и Царёв-Алексеев). И наше исследование показало, что это решение лишь отчасти было связано с экономией средств, то есть здесь нельзя говорить о «половинчатости» царского правительства. Уже в конце 1630-х гг. выяснилось, что ратные люди старых служб (в первую очередь, стрельцы) неохотно оказываются от привычного оружия и форм боя в пользу солдатского или драгунского строя. К тому же, эффективность этих ратников для гарнизонной службы не вызвала сомнений, и целесообразнее оказалось направить усилия «учителей драгунского строя» и материальные ресурсы Разрядного и Оружейного приказов на обучение и вооружение новобранцев «от сохи».

Создание цепи драгунских поселений не было хаотичным, а напротив, отвечало хорошо продуманному плану. Одна группа приказов была собрана в центре Белгородской черты, другая – на восточном фланге (вокруг Воронежа и Козлова), а третья – на западном (Комарицкая волость). Сложности с комплектованием отрядов в Карпове, Болховце и Царёве-Алексееве сделали центральную группу самой малочисленной, что, впрочем, было решено компенсировать посменной службой комарицких драгун в Карпове и тульских драгун в составе воеводских полков.

Отказавшись от перевода в драгунский строй остальных украинских ратников, правительство использовало потенциал «нового строя» другим способом: более 5000 мушкетеров и тысячи карабинов поступили на вооружение ратных людей старых служб и, главное, «жилецких» людей, которые усиливали гарнизоны южных крепостей в случае нападения противника. Причём сделано это было безденежно, что также является важным шагом по реформированию российских вооружённых сил.

При создании поселённых отрядов правительство пошло на важный эксперимент, доверив в ряде случаев обучение драгун

не иностранцам, а «учителям» из русских людей, ветеранам Смоленской войны. Ключевое значение получили младшие урядники – капралы, которые оказались основными строевыми командирами драгун. Вообще, регулярное обучение строю и залповой стрельбе стало важным отличием драгун от других украинских ратников. Что же касается принципиальной замены в офицерском составе иноземцев русскими людьми, то в 1649 г. эта тенденция была выведена на новый уровень созданием учебного полка при Рейтарском приказе, в 1654 г. формированием шести рейтарских полков с преобладающе русским начальным составом¹³⁹ и в 1657 г. учреждением двух московских выборных полков солдатского строя, в которых офицерами служили исключительно русские дворяне из бывших рейтар¹⁴⁰.

Особенности боевого применения драгун на Черте вызвали дальнейшую адаптацию их снаряжения и образа действий и отход от уставных требований. Так, изначально было решено отказаться от фитильного оружия, которое еще массово использовалось в полках «кормовых» драгун, и перейти к применению карабинов с кремневыми замками. При этом замки ставились привычного для царских ратников русского типа (в основном). Сэкономив таким образом на фитиле, Разряд наладил снабжение украинских служилых и жилецких людей кремнями для замков, порохом и заранее отлитыми свинцовыми пулями (вместо прежних слитков – «свиной»).

Другой особенностью снаряжения поселённых частей стал отказ в ряде мест от полупик, которые служили у драгун в Западной Европе стандартным способом защиты от кавалерийских атак. Вместо этого для обороны от кочевников в походе планировалось использовать традиционный

обоз в сочетании с древковым холодным оружием (рогатины, топорки, возможно, бердыши).

К началу 1650-х гг. пришло понимание того, что крупнокалиберные, «харчистые» карабины и мушкеты менее пригодны к «украинной службе», чем традиционные самопалы. Поэтому в Москве решили изъять ранее розданные ратным людям мушкеты «большие пульки» и заменить их малокалиберным и удобным для конницы оружием русского изготовления. Похоже, что и поселённых драгун на восточном фланге и в центре Белгородской черты также собирались избавить от мушкетов, что свело бы на нет одно из их важнейших отличий от других категорий ратников. Этот неосуществлённый проект следует считать последним эпизодом адаптации драгунского строя на Черте к местным условиям. Сама его проблематика уже близка к той, с какой столкнутся русские военачальники при обороне укреплённых линий в XVIII – XIX вв.: это вопросы о соотношении регулярных строевых частей и милиционного типа иррегулярных формирований (как правило, казачьих), о сочетании европейской тактики и азиатских способов ведения боевых действий и т. п.

Как обычно бывает в области военного реформирования, очередная война прервала эволюционный процесс на Белгородской черте и внесла решительные коррективы в развитие поселённых драгунских полков и приказов. С началом русско-польского конфликта 1654 – 1667 гг. драгуны Севского уезда были превращены в боевые 10-ротные полки с полным штатом офицеров (во многом за счёт русских рейтар) и новым крупнокалиберным вооружением. Четыре комарицких полка стали важной частью русской походной армии как на Украине, так и в Литве и даже в Прибалтике.

С другой стороны, ряд местных приказов сильно поредел за счёт перехода части драгун в состав походной армии. Так, драгунский отряд в Карпове, где формировался солдатский полк Юрьи Гутцына, к сентябрю 1653 г. сократился с 340 до 160 человек.

¹³⁹ Подробнее см.: Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656-1658 гг. ...

¹⁴⁰ Подробнее см.: Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006.

В Болховце по Смете 1651 г. насчитывалось 539 ратных людей, а в 1653 г. осталось всего 272 чел. вместе с жилецкими людьми¹⁴¹; в Смете 1663 г. о детях боярских и черкасах в Карпове и Болховце уже не говорится, что они хотя бы частично «драгуны». В Царёве-Алексееве из более чем 2200 чел. осталось 1217 с жилецкими людьми (97 драгун в Новом Осколе по смете 1663 г.)¹⁴². Некоторая убыль произошла и в Сокольском уезде (600 чел. вместо 700). Зато в Добром городище, Козлове, Костёнках и Орлове городке к 1663 г. численность драгун даже возросла.

Вместе с тем, на территории южных городов, которые вскоре составят Белгородский разряд, развернулся набор новых драгунских частей. Так, из казачьих родственников рязанских и тульских пригородов в 1654 г. был сформирован полк драгунского строя Антония Грановского¹⁴³; несколько сотен детей боярских Польских городов оказались записаны в драгунские роты при новых рейтарских полках. В 1658 г. было учреждено еще четыре полевых полка в Белгородском разряде, причём один из них составили из части добренских и сокольских драгун. В походах по Литве, Украине, Прибалтике эти драгуны прекрасно соответствовали стандартам своего специализированного рода войск, выполняя весь спектр задач: от «пионеров» – первопроходцев и «чернорабочих войны» до отчаянно смелых «командированных мушкетеров». То есть парадоксальным

образом поселённые драгунские части, поначалу задуманные как войска местной самообороны на татарской границе, превратились в мобильный боеспособный резерв для командования на далёких западных рубежах (10 полков к 1658 г.)¹⁴⁴. Правительство отказалось от идеи восстанавливать драгунские «кормовые» полки – в том числе, чтобы не заботиться о наборе казённых лошадей. В отношении драгун сохранялось прежнее правило из записки царя Алексея Михайловича 1646 года: «Лошади у них, кто в службе будут, свои, и конские кормы у них на лошади и их запасы есть, живут в деревнях, хлеб пашут и сено косят».

Итак, опыт формирования, обучения, снаряжения частей драгунского строя в 1638 – 1653 гг. целиком лёг в основу создания новых полевых драгунских полков; к этому процессу подключились и давно обученные поселённые драгуны. Впрочем, некоторые из старых драгунских приказов продолжали действовать на своих местах в последующие десятилетия исключительно в местной, сторожевой службе. Удалось ли им при этом сохранить свои особенности строевых частей европейского образца или они окончательно превратились в одну из разновидностей «конных ратных людей» сторожевой службы Белгородского разряда – это уже отдельная тема исследования.

¹⁴¹ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 371. Л. 369 - 371.

¹⁴² Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663. М., 1911. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М. 1911. Кн. 3. С. 36.

¹⁴³ Начальная история этого полка освящена в статье: Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV – XVII веках: Сборник материалов конференций 2002 – 2004 гг. М., 2006. С. 316 – 335.

¹⁴⁴ Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом. 1658 – 1659 годы. М., 2015. С. 73, 77 – 80, 314, 315, 338.